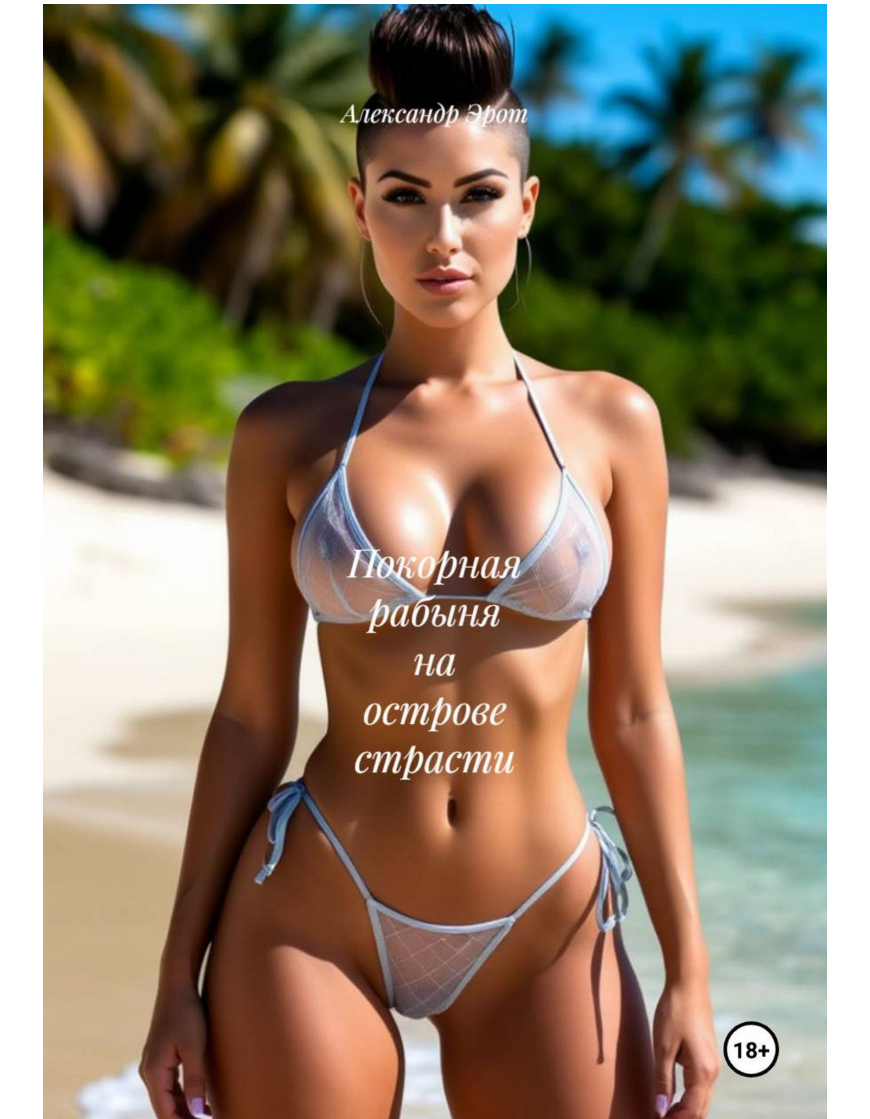

A full-body photograph of a woman standing on a sandy beach. She is wearing a light blue, mesh-like bikini with thin straps and side ties. Her hair is pulled up into a high bun, and she has a serious expression. The background shows palm trees and the ocean under a clear blue sky.

Александр Эрот

*Покорная
рабыня
на
острове
страсти*

18+

Александр Эрот

Покорная рабыня на острове страсти

<https://litres.ru/74209473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя привыкла повелевать. Холодная и расчетливая, она разрушала судьбы одним росчерком пера, пряча женственность за броней дорогого шелка и цинизма. Но стихия не признает контрактов.

Очнувшись обнаженной на берегу необитаемого острова, она теряет всё: статус, имя, контроль. Единственное, что осталось, — это ее тело. И он. Лео — мужчина, чью жизнь она когда-то уничтожила, а теперь — ее судья, мучитель и бог.

Здесь нет законов. Правят солнце, соль и инстинкт. Лео не будет ее спасать. Он будет ломать ее, срывая одежды ее гордости, пока от прежней Майи не останется лишь дрожащая, живая плоть. Но в этой жестокой игре на грани жизни и смерти, в каждом его грубом прикосновении она обнаруживает пугающую истину: чтобы обрести свободу, нужно полностью перестать сопротивляться.

Чувственный эротический триллер о власти, подчинении и пробуждении темных желаний. История о том, что самая опасная стихия — это не океан, а собственная душа.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Эрот

Покорная рабыня

на острове страсти

ПРОЛОГ

Шторм вошёл в неё раньше, чем она успела это понять. Он вошёл не через иллюминаторы, не через рёв ветра и не через первые тяжёлые капли, которые ударили в стекло рубки, как первые удары хлыста. Он вошёл через неё саму — через её кожу, через её кровь, через ту самую тонкую, почти невидимую перегородку, которую она выстроила между собой и всем миром за тридцать два года своей безупречной, стерильной жизни.

Капитан появился из темноты коридора, как появляется тень от облака, набежавшего на луну. Он не шёл — он скользил по перекошенному полу рубки с той ленивой, смертоносной грацией, которая свойственна только крупным хищникам, для которых буря — не угроза, а родная стихия. Его рубаха была растёгнута, и из-под ткани проступала кожа — обожжённая солнцем, солёная, живая.

— Вам лучше спуститься в каюту, мадам, — произнёс он, и его голос был низким, вибрирующим, как натянутый штор-

мом канат.

Она хотела ответить. Хотела бросить ему ту самую холодную, бархатистую фразу, которой она годами останавливала лифты, увольняла сотни людей, повелевала мирами. Но из её горла вырвался лишь тихий, почти детский вскрик, когда яхта накренилась так резко, что её тело потеряло опору и полетело вперёд — прямо в его руки.

Он поймал её. Не нежно. Не бережно. А так, как ловят добычу, которую не намерены отпускать. Его руки — шершавые, горячие, пахнущие канатами и солью, — сжались на её талии с такой силой, что она почувствовала, как под тканью её дорогого костюма проступает жар её собственной, испуганной плоти. Этот жар был ей незнаком. Этот жар был ей чужд. И именно поэтому он обжёт её сильнее любого прикосновения, которое она когда-либо позволяла себе испытать.

— Осторожнее, — прошептал он, и его дыхание обожгло её шею — ту самую шею, которую она прятала под воротниками блузок, под воротниками пальто, под воротниками своей собственной, выстроенной годами холодности.

Она должна была отстраниться. Она должна была вспомнить, кто она — Майя, антикризисный управляющий, женщина, которая не позволяет чужим рукам касаться её тела, которая доверяет лишь прохладному шёлку и стерильному воздуху кондиционеров. Но её тело — её предательское, пробудившееся тело — не слушалось. Оно прижималось к нему, оно искало его тепла, оно впервые за долгие годы чувство-

вало себя не бронёй, а плотью. Живой, горячей, испуганной плотью.

— Отпустите меня, — выдохнула она, но в её голосе не было приказа. В её голосе была мольба. Мольба женщины, которая боится не его, а себя. Боится того, что она чувствует. Боится того, что ей это нравится.

Он не отпустил. Наоборот — его руки сжались ещё сильнее, и она почувствовала, как его сердце бьётся под тканью его рубки — тяжёлое, сильное, живое. Это сердце билось в ритме шторма, в ритме волн, в ритме той стихии, которая теперь была не снаружи, а внутри неё.

— Вы боитесь, — произнёс он, и его губы были так близко от её уха, что она чувствовала каждое слово не как звук, а как прикосновение. — Вы боитесь не шторма. Вы боитесь себя. Вы боитесь того, что вам нравится, когда вас держат. Когда вас не спрашивают. Когда вами владеют.

Она хотела возразить. Она хотела ударить его. Она хотела крикнуть, что он сошёл с ума, что она — Майя, женщина, которая контролирует всё, которая не позволяет себе ничего чувствовать, которая прячет своё тело под слоями дорогой ткани и ещё более дорогой холодности. Но вместо этого она почувствовала, как его губы коснулись её шеи — не грубо, не жестоко, а почти нежно, как касаются кожи женщины, которую давно хотели попробовать на вкус.

И тогда что-то внутри неё сломалось. Не та холодная, стеклянная броня, которую она носила годами. А что-то бо-

лее глубокое, более древнее, более истинное — та последняя, тонкая перегородка, которая отделяла её от этой жизни, от этой стихии, от этого мужчины.

Она повернула голову, и их губы встретились.

Это не был поцелуй. Это было столкновение. Это было крушение. Это было всё то, от чего она бежала всю свою жизнь — жар, соль, кровь, дыхание, сердцебиение, страх, желание. Его губы были солёными от моря, его язык был шершавым, как канат, его руки сжимали её так, что она чувствовала, как на её коже остаются следы. Печати того, кем она станет. Печати того, что с ней случится. Печати той жизни, которую она ещё не успела прожить, но которая уже началась.

Она ответила ему. Не нежно. А так, как отвечают стихии — полностью, без остатка, без пощады. Её пальцы впились в его волосы, её тело прижалось к его телу, её дыхание смешалось с его дыханием, и в этот момент она поняла одну простую и страшную вещь: она хотела этого. Она хотела этого всю свою жизнь. Она хотела, чтобы кто-то сильный и безжалостный схватил её за талию и прижал к себе, доказывая, что она живая. Она хотела, чтобы кто-то сорвал с неё невидимые одежды её статуса, её гордости, её фальшивой невинности. Она хотела, чтобы кто-то обращался с ней как с плотью — горячей, живой плотью, которая принадлежит не ей, а стихии.

Яхта накренилась снова, и на этот раз они упали вместе —

на холодный пол рубки, на мокрые доски, на ту самую границу, за которой кончалась её прежняя жизнь и начиналась новая. Его тело накрыло её — тяжёлое, горячее, — и она почувствовала, как его руки скользят по её бёдрам, по её животу, по её груди, срывая с неё не ткань, а саму её. Ту Майю, которая когда-то сидела во главе стола из чёрного обсидиана и подписывала приговоры сотням людей, не глядя в глаза. Ту Майю, которая прятала своё тело под двойным слоем кашемира и шёлка. Ту Майю, которая была так одинока, так пугающе, так отчаянно одинока в своём стеклянном Олимпе, что предпочитала власть — любви, контроль — теплу, презрение — близости.

— Ты моя, — прошептал он ей в губы, и в его голосе не было вопроса. Это был приговор. Это было обещание. Это было пророчество.

Она кивнула. Она не могла не кивнуть. Её тело принадлежало ему — каждая его клетка, каждый нерв, каждый вздох. И в этом подчинении было что-то новое — что-то тёмное, дикое, почти пугающее. Это было не желание. Это было принятие. Полное, абсолютное, почти религиозное принятие своей участи.

Но шторм не ждал. Шторм не спрашивал. Шторм не позволял им закончить то, что они начали. Волна — огромная, чёрная, почти живая — обрушилась на яхту, и стекло рубки разлетелось на тысячи осколков, которые засверкали в свете молнии, как тысячи маленьких, холодных, безжалостных

звёзд. Вода ворвалась внутрь — и она почувствовала, как руки капитана разжимаются, как его тело откатывается от неё, как шторм забирает его, как шторм забирает всё.

Она кричала. Она кричала его имя. Она кричала — от потери. От той страшной, почти невыносимой боли, которую испытывает женщина, когда у неё отнимают то, что она только что нашла. То, что она только что почувствовала. То, что она только что позволила себе захотеть.

Вода подхватила её, как подхватывают ребёнка, чтобы унести туда, откуда нет возврата. И в этот момент, в этот самый момент, когда её тело крутило, когда его бросало из стороны в сторону, когда оно ударялось о что-то твёрдое — о борт, о мачту, о камень — она поняла одну простую и страшную вещь.

Она не боролась.

Это было самое странное. Она должна была бороться — все инстинкты кричали ей, что нужно бороться, что нужно цепляться, что нужно вырываться. Но её тело — её предательское, пробудившееся тело — расслабилось. Оно отдалось воде, как отдаются любовнику, как отдаются сну, как отдаются чему-то, чего давно, давно ждали.

И в этом отдании было что-то пугающе, почти невыносимо сладкое.

Она помнила, как вода входила в её рот, как она была солёной и тёплой, как она заполняла её лёгкие, и это было не удушьем — это было поцелуем. Поцелуем того, кто ждал её.

Поцелуем того, кто знал её лучше, чем она знала себя. Поцелуем того, кто был готов научить её тому, чему она так давно, так отчаянно, так безнадежно хотела научиться.

Она помнила, как темнело сознание. Как последние образы — его лицо, его руки, его губы, его голос, — растворялись, как растворяется чернила в воде. И на их месте не было ничего — только тьма, только тишина, только это странное, почти сладкое ощущение, что она наконец-то, наконец-то, наконец-то...

ГЛАВА 1

Утро в пентхаусе Майи начиналось не с солнца — солнце она не пускала. Плотные, тяжёлые, как погребальный саван, портьеры из чёрного бархата отсекали мир, оставляя внутри лишь полумрак, пахнувший сандалом и стерильной прохладой кондиционеров. Она просыпалась ровно в шесть, и в этом не было ничего человеческого — лишь холодная точность швейцарского механизма, встроенного в плоть.

Её тело лежало на простынях из египетского хлопка, натянутых, как кожа на барабане. Майя не позволяла никому касаться этих простыней. Горничная входила в спальню лишь в её отсутствие, в специальных перчатках, чтобы не оставить на тканях тепла чужих пальцев. Сама Майя мылась одна, долго, методично, скользя мочалкой по своей бледной, безупречной коже, словно снимая с неё невидимые отпечатки чужих прикосновений. Она боялась тепла чужих тел. Боялась, как бояться огня. Её ладони, её бёдра, её ключицы — всё это было её собственностью, её частным владением, и она хранила их так же ревностно, как скупой хранит золото в подвале.

В её мире не было места для отдыха — лишь для контроля. Она пила воду комнатной температуры, отмеряя ровно двести миллилитров, ела белую рыбу на пару и зелёные овощи, взвешивая каждый грамм на аптекарских весах. Её те-

ло было не храмом, а инструментом — острым, холодным, всегда готовым к работе. Она не знала, что такое лень, не знала, что такое спонтанность, не знала, что такое — отдаться течению. Её жизнь была расписана по минутам, и в этом распорядке не было ни одной щели, через которую могла бы просочиться случайность.

Воздух в стеклянном улье на сороковом этаже был лишён запаха. Он был стерильным, холодным и абсолютно послушным, словно сама Майя.

Она сидела во главе стола из чёрного обсидиана, и свет софитов скользил по её бледной, безупречной коже, не оставляя ни единой тени. Майя была воплощением холодного совершенства. Её тело было заключено в строгий костюм цвета ночной тени, облегчающий фигуру так плотно, что казался второй кожей, сотканной из цинизма и дорогой парфюмерии. Воротник блузки безжалостно обнимал её ключицы, напоминая о том, что плоть должна быть под контролем.

Перед ней лежали списки. Триста двенадцать имён. Триста двенадцать жизней, которые она сейчас переставала замечать.

— Мы оптимизируем структуру, — произнесла Майя. Её голос был тихим, бархатистым, но в нём звенел лёд. — Рынок не терпит слабости. Вы — балласт.

Она подписывала документы одним росчерком, словно хирург, отрезающий гангрену. Она не смотрела в глаза тем, кого вызывали в кабинет. Она видела лишь соль их слёз, пот

на их лбах, дрожь в их пальцах — все эти унижительные, животные проявления страха. Для неё они были просто плотью, которая мешала движению идеального механизма корпорации. Майя чувствовала знакомое, сладкое головокружение власти. Она была богом этого стеклянного Олимпа, и ей не нужно было ничье тепло. Ей достаточно было собственного отражения в полированных поверхностях.

К вечеру лёд в её венах растаял, уступая место игристому вину успеха.

Майя ступила на палубу частной яхты. Под ногами хрустел полированный тик, пахло солёной водой, дорогим дизелем и свободой. Капитан, мужчина с обветренным лицом и тяжёлым, оценивающим взглядом, протянул ей руку, чтобы помочь подняться на борт. Его пальцы на мгновение коснулись её обнажённой кисти. Этот контакт был грубым, шершавым, слишком человеческим. Майя чуть заметно поморщилась и одёрнула руку, стряхивая невидимую пыль. Она не позволяла чужой теплоте проникать под её шёлковую броню.

— Курс на открытую воду, — бросила она, даже не посмотрев на него. — Мне нужно побыть одной.

Яхта скользнула вперёд, разрезая темнеющие воды. Майя стояла на корме, подставив лицо вечернему ветру. Вино ударило в голову, и ей захотелось танцевать, захотелось, чтобы кто-то сильный и безжалостный схватил её за талию и прижал к себе, доказывая, что она живая. Но вокруг была лишь вода и небо.

Небо начало меняться. Его привычная бархатная синь сменилась болезненным, багровым оттенком, словно оно стыдилось чего-то. Воздух стал густым, тяжёлым, он лип к коже, как влажное, дрожащее полотенце.

Майя нахмурилась. Она привыкла контролировать погоду в своём кабинете, но здесь, на открытой воде, что-то пошло не так.

Первая капля дождя упала на её ключицу, прямо туда, где сходилась ткань блузки. Она была ледяной и тяжёлой, словно поцелуй мертвеца. Затем вторая. Третья.

Ветер усилился, превратившись в невидимые, сильные руки, которые рвали её волосы, срывали с плеч невидимые покровы. Море больше не было зеркалом; оно стало дышащей, мускулистой грудью, которая ходила ходуном, пенясь и рыча.

— Капитан! — крикнула Майя, но её голос утонул в первом, оглушительном ударе грома.

Вспышка молнии разорвала небо, и в её мертвенном свете Майя на секунду увидела своё отражение в тёмном стекле рубки. Ветер прижал к её телу мокрую ткань, и впервые за много лет она почувствовала, как под костюмом проступает жар её собственной, испуганной плоти.

Стихия не признавала её контрактов, её статуса и её денег. Она приближалась, чтобы сорвать с неё все. Чтобы оставить абсолютно голой, дрожащей и живой.

Яхта резко накренилась, и холодная, солёная вода пере-

хлестнула через борт, оббивая её лодыжки, словно первые цепи грядущего рабства.

Шторм бился о толстое стекло иллюминатора, словно ревнивый и неистовый любовник, требующий впустить его в эту стерильную, прохладную кабину. Майя сидела в кресле, обтянутом белой кожей, и её пальцы сжимали подлокотники так сильно, что побелели костяшки. Её костюм цвета ночной тени был безупречен; каждая складка, каждый шов служил надёжной бронёй, границей между её нежной, незнакомой прикосновениям плотью и хаосом, бушующим снаружи.

Капитан отошёл от штурвала и подошёл к ней. От него веяло жаром тропического солнца, солью и той первобытной, опасной мужской силой, которую Майя привыкла прятать за стенами своих небоскрёбов. Его взгляд, тяжёлый и тёмный, как сама пучина, скользнул по её одежде, скрывающему красивое тело, словно пытаясь одним лишь усилием воли раздеть её, сорвать этот шёлковый панцирь.

— Море не терпит лжи, мадам, — его голос был низким, вибрирующим, как натянутый штормом канат. — Оно срысывает с нас все эти титулы, цифры на счетах и тонкие ткани. Оно всегда смывает наносное, оставляя лишь голую суть. То, что бьётся под рёбрами, когда кончается воздух, и то, чего тело жаждет, когда умирает разум.

Майя усмехнулась, но уголки её губ предательски дрогнули, открывая крошечную трещину в её ледяном фасаде. Внутри неё, вопреки рассудку, разлился странный, томный

жар.

— Моя суть, капитан, соткана из безупречного кроя и тотального контроля, — произнесла она, и её голос прозвучал как бархат, натянутый над лезвием. — Я — власть над обстоятельствами. А море... море всего лишь вода. Оно не знает, с кем имеет дело.

Он наклонился ближе, и от его дыхания у неё перехватило дыхание. В его глазах плясали молнии.

— Вода проникает в каждую щель, — прошептал он, и это прозвучало как интимное обещание, как неизбежная расплата. — Выжить в моих объятиях, мадам, сможет только та, кто перестанет сопротивляться. Кто готов принять свою уязвимость и отдаться... потому что стихия не берёт в плен тех, кто сжимается в комок. Она пожирает тех, кто боится собственной наготы.

За бортом вспыхнула ослепительная молния, и на мгновение её мертвенный свет обнажил лицо Майи, в котором впервые за долгие годы проступил не страх, а тёмное, пугающее предвкушение скорой, неминуемой сдачи.

ГЛАВА 2

Сознание возвращалось к ней медленно, словно густой, тягучий мёд, стекающий по раскалённым камням. Сначала пришла боль — тупая, ноющая, разлитая по всему телу, как будто кто-то невидимый выжал из неё все соки, а потом заново собрал, неправильно, криво, перепутав кости и сухожилия. Затем пришла жара. Она не просто обжигала — она овладевала ею, входила в каждую пору, в каждую складку её существа, тяжёлая, властная, почти интимная.

Майя открыла глаза, и мир ударил её по зрачкам ослепительной, почти жестокой белизной. Песок под её щекой был живым — он дышал, шевелился, скользил по её коже тысячу крошечных, горячих язычков. Она попыталась приподняться, и тогда почувствовала это. Это странное, невозможное ощущение — ничто между её кожей и воздухом. Ничто, кроме соли, которая кристаллизовалась на её бёдрах, на её ключицах, в ложбинке между грудей. Соли и песка. И ещё — липкой, сладковатой крови, сочившейся из длинной царапины на её бедре, там, где когда-то заканчивалась дорогая ткань её брюк.

Она была обнажена. Полностью, бесповоротно, до последней ресницы обнажена. Её тело — это бледное, выхоленное тело, которое она прятала от чужих взглядов, которое она доверяла лишь прохладному шёлку и стерильному конди-

ционированному воздуху, — теперь лежало раскинутым на раскалённом песке, как жертвенный дар, принесённый какому-то древнему, безжалостному божеству. Солнце лизало её плечи, спину, изгиб бедра, и в этом прикосновении было что-то пугающе знакомое — почти как взгляд, почти как желание.

Майя инстинктивно попыталась прикрыться, скрестить руки на груди, подтянуть колени к подбородку, но движение было бессмысленным. Прикрывать было нечем. Вокруг не было ни одного лоскута ткани, ни одной тени, способной укрыть её наготу. Только бескрайний белый пляж, только пальмы, лениво раскачивающиеся вдали, только море — тяжёлое, синее, дышащее, как грудь спящего великана. И где-то вдалеке, едва различимый, запах гниющих водорослей и чужой, незнакомой жизни.

Она села, и песок посыпался с её тела, щекоча кожу, оставляя на ней золотистый, почти любовный след. Где-то в голове, под толстым слоем боли и шока, ещё билась, ещё сопротивлялась старая Майя — та, что знала номера телефонов экстренных служб, та, что умела одним движением брови остановить лифт, та, что носила свою наготу лишь под двойным слоем кашемира и шёлка. Но эта Майя была далеко, очень далеко, на дне разбитой яхты, которая где-то там, за горизонтом, медленно уходила в пучину, унося с собой её костюмы, её телефон, её имя.

Оставалась только плоть. Горячая, солёная, царапанная,

живая. И впервые за тридцать два года своей жизни Майя почувствовала, как эта плоть принадлежит не ей. Она принадлежала солнцу. Она принадлежала ветру. Она принадлежала этому острову, который смотрел на неё молчаливыми, зелёными глазами своих пальм и, казалось, улыбался — той самой улыбкой, которой улыбаются любовники, знающие, что у них впереди целая вечность.

Она закричала. Этот крик был не криком женщины, привыкшей повелевать одним движением брови, — это был крик раненого животного, загнанного в угол, который не понимает, почему мир больше не подчиняется его законам. Она кричала до хрипоты, до боли в горле, до металлического привкуса крови на языке. Она требовала, чтобы кто-то явился. Чтобы кто-то пришёл и забрал её отсюда, вернул ей её костюм цвета ночной тени, её стерильный кабинет, её власть над обстоятельствами. Но в ответ ей был лишь шум прибоя — ровный, равнодушный, почти насмешливый.

Майя попыталась действовать. Её руки, которые знали лишь прохладу стекла экрана и тяжесть хрустального бокала, потянулись к пальмовым листьям, валявшимся на песке. Она рвала их, ломала, пыталась сплести из них что-то похожее на укрытие, на крышу, на стену — на что угодно, что могло бы отделить её наготу от чужих, жадных взглядов этого острова. Но листья были грубыми, режущими, они царапали её ладони, оставляя на них тонкие, алые линии. Её кожа, столь бережно хранимая от малейшего прикосновения,

теперь сама просила о боли, и эта боль была первым уроком, который остров преподавал ей.

Кровь выступила на её ладонях — густая, тёмная, почти чёрная на фоне золотого песка. Она смотрела на неё с изумлением, словно видела эту кровь впервые в жизни. Её руки дрожали. Эти руки, которые подписывали приговоры сотням людей, не умели делать ничего, кроме как повелевать. Они не знали, как сжимать, как держать, как строить. Они были бесполезны здесь, на этом берегу, где правили только солнце, соль и терпение.

Майя опустилась на песок, обхватив колени руками, и впервые за долгие годы почувствовала, как по её щеке катится слеза. Горячая, солёная, она была похожа на все те слёзы, которые она когда-то видела на лицах своих жертв, и теперь, впервые, она поняла их вкус. Она не плакала от страха. Она плакала от унижения — от того, что мир, который она так тщательно выстраивала, оказался карточным домиком, который один-единственный шторм смёл в океан за несколько минут.

Но где-то в глубине её существа, под толстым слоем шока и отрицания, уже начинало шевелиться что-то новое. Что-то тёмное, дикое, первобытное. Что-то, что она так долго прятала под шёлком и кашемиром. Остров смотрел на неё своими молчаливыми, зелёными глазами, и в этом взгляде не было жалости. Была лишь терпеливая, почти интимная уверенность в том, что она останется. Что она научится. Что она

станет его.

Ночь пришла на остров не как избавительница от жары, а как новый, более интимный и более жестокий любовник. Солнце, которое весь день лизало её кожу своим шершавым, золотым языком, наконец отступило, уступив место луне — холодной, серебряной, равнодушной. И вместе с темнотой пришло то, чего Майя никогда не знала в своих стерильных, кондиционированных покоех: настоящий, первобытный холод.

Он не просто окутывал её — он проникал внутрь. Он скользил по её обнажённым плечам, забирался под рёбра, сжимал живот ледяными пальцами. Её тело, которое она всю жизнь прятала под слоями шёлка и кашемира, которое она доверяла лишь собственному отражению в зеркале, теперь было отдано на растерзание стихии. Каждая капля росы, оседавшая на её ресницах, казалась пощёчиной. Каждый порыв ветра, пробежавший по её бёдрам, был похож на прикосновение чужой, недоброй руки.

Майя забралась в пещеру — неглубокую, пахнущую сыростью и чем-то древним, похожим на дыхание самого острова. Она свернулась калачиком, прижав колени к груди, обхватив себя руками, словно пыталась удержать внутри хоть каплю собственного тепла. Её кожа, ещё вчера такая безупречная, такая ухоженная, теперь была покрыта песком, солью и засохшей кровью. Она чувствовала каждую царапину, каждый ушиб, каждую мозоль, которая проступала на её ладонях. Её

тело, которое она так ревностно охраняла от чужих прикосновений, теперь было открыто всем ветрам, всем взглядам, всем прикосновениям этого дикого, безразличного мира.

И впервые в жизни она почувствовала страх. Не тот страх, который она видела в глазах своих жертв — тот был страхом перед её властью. Это был другой страх. Животный. Первобытный. Страх маленького, голого животного, забравшегося в нору и понимающего, что вокруг — лишь темнота, холод и чужие, враждебные звуки.

Её деньги. Её связи. Её статус. Её безупречный костюм цвета ночной тени, который сейчас, наверное, лежал на дне океана, медленно разлагаемый солёной водой. Всё это было здесь, на этом острове, ничем. Пустым звуком. Бумагой, которая не согреет. Цифрами на счёте, которые не утолят голод. Именем, которое не знает ни один из этих деревьев, ни один из этих камней.

Майя подняла лицо к узкому отверстию пещеры, где мерцали холодные, равнодушные звёзды. Её губы, потрескавшиеся от соли и ветра, шевелились. Она не молилась — она не знала, как молиться. Она никогда не знала, как просить. Она всегда только приказывала. Но сейчас, в этой темноте, в этой наготе, в этом холоде, из её горла вырвался звук — тихий, жалкий, почти животный. Это был зов. Зов помощи. Зов, который она адресовала небу, которое не слушало.

В ответ ей был лишь шум прибоя. Ровный, равнодушный, почти насмешливый. Море дышало, словно спящий великан,

и в этом дыхании не было ни жалости, ни сострадания. Была лишь бесконечная, холодная, прекрасная и жестокая жизнь, которая текла вокруг неё, не замечая её существования.

И Майя, обнимая свои колени, чувствуя, как по её щеке катится первая за долгие годы слеза — горячая, солёная, живая, — поняла одну простую и страшную вещь: она больше не была Майей, антикризисным управляющим, богом стеклянного Олимпа. Она была просто плотью. Горячей, солёной, царапанной, живой плотью, которая принадлежала этому острову, этому ветру, этому морю. И остров, глядя на неё своими молчаливыми, зелёными глазами, терпеливо ждал. Ждал, когда она примет свою наготу. Ждал, когда она перестанет сопротивляться. Ждал, когда она станет его.

ГЛАВА 3

Джунгли сомкнулись над ней, как влажное, зелёное чрево, дышащее жаром и запахом гниющих орхидей. Майя шла, шатаясь, и каждый шаг отзывался тупой болью в ступнях, которые больше не помнили прикосновения прохладного шёлка. Её нагое тело было покрыто слоем липкого пота, соли и пыли; кожа натянулась, словно тончайший пергамент, готовый разорваться от малейшего прикосновения. Она была не женщиной — она была раненой, загнанной ланью, чья плоть стала лишь частью этого безжалостного, пульсирующего ландшафта.

И тут он появился.

Он не вышел из леса — он проявился из самой его сути, словно вырезанный из тёмного камня и лиан. Лео. Его кожа была обожжена солнцем до цвета тёмного, тягучего мёда, а мышцы двигались с той ленивой, смертоносной грацией, которая свойственна только крупным хищникам. На нём не было ничего, кроме набедренной повязки из грубых листьев, и эта его нагота была не уязвимостью, а вызовом.

Майя остановилась, её пересохшие губы дрогнули, пытаясь сложиться в слово, в приказ, в мольбу — всё то, чем она годами повелевала мирами. Но из её горла вырвался лишь сухой, жалкий хрип.

Он подошёл ближе. От него пахло мускусом и тяжёлым,

солёным потом — запахом самой жизни, грубой и необузданной. Его взгляд скользнул по её наготы. В нём не было ни жалости, ни того сладкого, приторного желания, которым смотрели на неё мужчины в стеклянных башнях её корпорации. Он смотрел на неё так, как смотрят на добычу. Или на жертву, которую предстоит взвесить на весах перед тем, как бросить на алтарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.